

МИГРАНТОФОБИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В РОССИИ¹

Махмутов Зуфар Александрович

Д.и.н., с.н.с., Федеральный научный центр
психологических и междисциплинарных исследований
(Казань)
zufar@inbox.ru

MIGRANTOPHOBIA AND ITS PECULIARITIES IN RUSSIA

Z. Makhmutov

Summary. This article is devoted to the study of such a form of xenophobia as migrantophobia. The aim of the research is to identify the specifics of migrantophobia manifestations in Russia, as well as the causes of its emergence. The author considered different approaches to the explication of migrantophobia, to the prerequisites of its formation at the individual and group level (realist conflict theory, social identity theory, scapegoat theory, social constructionism), analyzed migration policy in the country. A number of sociological studies demonstrate the relevance of the problem of migrantophobia in modern Russia. The most frequent targets of this type of xenophobia are Roma, Chechens, Dagestanis, Gypsies, and people from Central Asia and Africa. In Russia, migrantophobia is characterized to a greater extent by people who have less experience of personal contact with migrants (residents of villages and urban-type settlements, older schoolchildren and young people). This observation emphasizes the importance of considering migrantophobia in Russia from a social constructionist perspective.

Keywords: migrant phobia, xenophobia, Russia, realistic conflict theory, social identity theory, scapegoat theory, social constructionism.

Аннотация. Данная статья посвящена изучению такой формы ксенофобии, как мигрантофобия. Целью исследования стало выявление особенностей ее проявлений в России, а также причин возникновения. В работе были рассмотрены разные подходы к экспликации мигрантофобии, к предпосылкам ее формирования на личностном и групповом уровне (реалистическая теория конфликта, теория социальной идентичности, теория «козла отпущения», социальный конструкционизм), проанализирована миграционная политика в стране. Ряд социологических исследований свидетельствует об актуальности проблемы мигрантофобии в современной России. В наибольшей степени объектами данного вида ксенофобии являются цыгане, чеченцы, дагестанцы, выходцы из Средней Азии и Африки. В России мигрантофобия характерна в большей степени для лиц, которые имеют небольшой опыт личного контакта с мигрантами (жители сел и поселков городского типа, старшие школьники и молодежь), что подчеркивает важность рассмотрения данного деструктивного явления с позиции социального конструкционизма.

Ключевые слова: мигрантофобия, ксенофобия, Россия, реалистическая теория конфликта, теория социальной идентичности, теория «козла отпущения», социальный конструкционизм.

Мигрантофобия является одной из форм ксенофобии и, следовательно, содержательно проистекает от исконного понятия. Ксенофобия в соответствии с дословным переводом с греческого обозначает страх перед чужим, другим, неизвестным. И сейчас многие исследователи интерпретируют данное явление как определенный страх или боязнь кого-то. «Ксенофобия — это *опредмеченная, овеществленная, материализованная, снабженная идеологической концепцией иллюзия чужого*¹ и незнакомого при осознанной беспомощности перед ним, когда появляется тот самый **фантастический страх**, который освобождает от всякой ответственности за образ мыслей, а в крайних экстремальных состояниях — и за образ действий», — считает исследователь А.А. Кельберг [4, с. 48].

Страх или боязнь могут быть связаны с опасением размывания и утраты идентичности, потерей работы, ухудшением материального положения и т.д. Ряд исследова-

ний показывает, что людям, склонным к ксенофобским установкам, присуща тревожность, отсутствие доверия [9, с. 156].

Таким образом, следуя данному подходу, мигрантофобия — это страх, боязнь мигрантов.

Другие исследователи эксплицируют ксенофобию в первую очередь с нетерпимостью, негативным отношением и реакцией по отношению к чужим. Так Л. Гудков и К. Пипия под данным термином подразумевают слабо обоснованную негативную реакцию членов этнической группы на внешние текущие события, прежде всего на необходимость взаимодействия с любыми «другими» [1, с. 34]. В. Кроз и Н.А. Ратинова полагают, что «ксенофобия — это негативное, эмоционально насыщенное, иррациональное по своей природе (но прикрываемое псевдорациональными обоснованиями) отношение субъекта к определенным человеческим общностям и их отдельным представителям — «чужакам», «иным», «не нашим» [5, с. 48]. К негативному отношению относят

¹ Здесь и далее жирный курсив автора.

¹ Статья выполнена по государственному заданию № 0599–2019–0043 «Проблема отклоняющегося поведения в системе современного человековедения».

достаточно разную по эмоциональной насыщенности гамму чувств от предвзятости до ненависти.

Если придерживаться второго подхода, мигрантофобия — это не что иное, как негативное отношение к мигрантам, реакция на них.

Третья группа ученых пытается объединить первый и второй подход, связав воедино страх, боязнь, негативное отношение. Данные понятия действительно тесно связаны между собой: страх может вызвать неприязнь, которая в свою очередь может перейти в ненависть и враждебность [11, с. 32]. Ксенофобия — это ненависть от страха, считает В.И. Мукомель [8, с. 154].

Есть исследователи, которые рассматривают ксенофобию как форму девиантного поведения [2]. На наш взгляд, девиантное поведение в ряде случаев может стать следствием разных форм ксенофобии, включая и мигрантофобию. Именно страх, ненависть, гнев, отвращение, по мнению некоторых психологов, являются триггером девиантного поведения [3]. Данные эмоциональные механизмы способны исключить «других» из действия принятых моральных норм и стать катализатором насилия.

Дефиниция мигрантофобии, как и ксенофобии в российском законодательстве отсутствует, хотя последний термин упоминается в Указе Президента РФ В.В. Путина «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где отмечено, что в настоящее время «нарастают проявления агрессивного национализма, ксенофобии, религиозного экстремизма и терроризма» (Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 28.08.2023).

Предпосылки формирования мигрантофобии лежат как на личностном, так и на групповом уровне. Важное влияние на индивида оказывают особенности воспитания и социализации, влияние ближайшего окружения, значимые лица. Фундаментальным стал концепт «авторитарная личность», разработанный Э. Фроммом, М. Хоркмайером, Т. Адорно. Чересчур строгое семейное воспитание, в процессе которого подавляются все чувства обиды и агрессия по отношению к родителям, по мнению исследователей, ведет к формированию авторитарной личности, которая характеризуется: этноцентризмом и негативными социальными установками по отношению ко всем аут-группам (в том числе и к мигрантам), косностью, ригидностью, стереотипностью мышления (что позволяет абсорбировать предрассудки, негативные гетеростереотипы), верой в «моральную чистоту» собственной группы и отказ в таковой другим группам, цинизмом, уверенностью в том, что все

средства хороши для достижения неизменно «высоких и справедливых» целей собственной группы и т.д. [22].

На групповом уровне, с точки зрения реалистической теории конфликта (Д. Кэмпбелл, А. Фог), причинами мигрантофобии являются конфликт интересов, конкуренция различных групп (принимающего населения и мигрантов), наличие реальной или мнимой угрозы со стороны мигрантов [7].

Принимающее население часто раздражает то, что иммигранты становятся их конкурентами в борьбе за материальные ресурсы, рабочие места. К. Юнг утверждал, что «мигрантофобия — это реакция на конкурентов, соревнующихся за ограниченные социальные ресурсы. Она является компенсирующим защитным психологическим механизмом для отдельных индивидов принимающего общества. Такая компенсация выступает в роли психического саморегулирования, поскольку вызвана неуверенностью, беспокойством и страхом, потребностью в порядке, силе и безопасности, которые, в свою очередь, являются продуктами социально-экономических условий общества» [13, с. 54].

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что антииммигрантские настроения усиливаются во время экономических кризисов [16; 19]. Некоторые исследования отмечают, что именно экономические показатели являются ключевым фактором, влияющим на поддержку населением политики в сфере миграции [15; 18].

К угрозам, исходящим от иммигрантов, можно отнести не только боязнь потерять материальные ресурсы или рабочие места, но и утрату культурных символов принимающей стороны, размывание идентичности, рост преступности и т.д.

Данные угрозы, по мнению исследователя А. Фога, вызывают у индивидов не только ксенофобию разных видов, но и сильные чувства национальной или племенной идентичности, предпочтение строгой иерархической политической системе и сексуальной морали, придерживаться строгой дисциплины и наказания девиантов, а также выражать строгую религиозность [17].

Если рассмотреть мигрантофобию через призму теории социальной идентичности, разработанной Дж. Тэрнером и Г. Теджфелом, то оказывается, что именно социальная идентичность является ее первопричиной. Представления о «своей» (ин-группе) и «чужих» (аут-группе) становятся логичным результатом категоризации (мы — они). Образ «мы», как правило, позитивен, что обусловлено социально-перцептивными механизмами, помогающими группе защищать свою групповую идентичность, а индивиду — повысить собственную самооценку. Данное явление получило название ин-группового фаворитизма.

Образ «они», наоборот, обычно содержит преимущественно негативные коннотации, как образ «чужого». Э. Эриксон подчеркивает, что «...любая позитивная идентичность <...> определяется и через негативные образы и <...> наша <...> идентичность живет за счет унижения других» [12, с. 312]. Исследователь А.К. Якимович обращает внимание на то, что: «...начиная с Геродота конфликты среди человеческих сообществ мифологизируются по одной и той же схеме: наши описываются как носители культуры и человеческих ценностей, а чужие — как варвары, дикари, зверообразные нелюди». [14]. Выстраивание негативного образа и соответственно отношения к «чужому» важно, как условие для солидарности членов сообщества и актуализации групповой идентичности.

Согласно теории социальной идентичности, чем более очевидными выступают маркеры категоризации, тем более выражены тенденции к противопоставлению «мы» — «они». В этом отношении мигранты, как правило, существенно отличающиеся от принимающего населения антропологически (цветом кожи, разрезом глаз и т.д.), социально (традициями, языком и т.д.), имеют самые высокие риски стать объектом ксенофобии.

Ряд эмпирических исследований свидетельствует о том, что отношение к мигрантам лучше, если они придерживаются ассимиляционной стратегии, нежели сепарационной [21], умеют говорить на языке принимающего сообщества [20].

Теория «козла отпущения», лежащая в рамках мотивационного подхода, объясняет ксенофобию подавленной агрессией, фрустрацией. В ситуации, когда невозможно больше терпеть, начинается поиск виновных. Ими становятся представители наиболее незащищенной группы. На эту роль, как правило, очень подходят именно мигранты.

Помимо агрессии и фрустрации триггером ксенофобии является и чувство зависти. Срабатывает данный механизм в ситуации экономического неравенства, когда приехавшие мигранты живут заметно лучше, чем принимающее население.

Социальные конструкционисты (П. Бергер, Т. Лукман) считают, что первостепенную роль в конструировании социальной реальности (в том числе и мигрантофобии) имеют определённые акторы. Они могут актуализировать границы между группами (например, внедряя в массовое сознание критериев, по которым производится категоризация), формировать «образа врага», насаждая негативные стереотипы и предрассудки, артикулировать страхи и фобии. Социальный характер враждебности проявляется в том, что человек способен проявлять агрессию по отношению к идентифицируемым «чужим»

не только в ситуации реальной опасности, но и в ситуации ее отсутствия на основе предвидения или проецирования ее в будущем, а также на основе внушения, что угроза реально существует [11]. Э. Фромм отмечал, что «...большинство современных войн были подготовлены именно пропагандистским нагнетанием угрозы, лидеры убеждали население в том, что ему угрожает опасность нападения и уничтожения, и так воспитывалась ненависть к другим народам, от которых якобы исходила угроза. На самом деле угроза была чаще всего чистой фикцией» [10, с. 167].

Важнейшими социальными акторами традиционно являются политики, журналисты. В информационную эпоху значимость приобрели активные интернет-пользователи, которые ведут блоги, администрируют информационные сообщества, телеграм-каналы.

Современная Россия относится к числу государств, принимающих значительные потоки мигрантов. Согласно данным Всероссийской переписи населения, с 2011 по 2021 год в Россию въехало на постоянное проживание больше 5,4 млн человек. Около 94 % этого миграционного потока пришлось на девять стран бывшего СССР. В тройку лидеров вошли Украина, Казахстан и Таджикистан. Кроме постоянного населения России, перепись учитывала число лиц, временно (менее одного года) находившихся на территории России. Так, в октябре 2023 года, их количество составило около 350 тыс. человек. Предпочтительными регионами для временного пребывания в России мигрантов являются: Москва, Московская область, Приморский край, Амурская область и Республика Татарстан (URL: Федеральная служба государственной статистики https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 28.08.2023).

В структуре миграции в Россию значительное место занимает трудовая миграция, что является важным фактором экономического развития страны.

Еще в 2006 году вышел указ президента «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», утверждающий специальную программу облегчающую переезд в страну людей, оказавшихся после распада СССР за пределами РФ и желающих переселиться в Россию (Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/23937> (дата обращения: 28.08.2023)). В 2012 году данная программа стала бессрочной. Благодаря отчасти ей в 2012–2017 годах миграционному притоку в Россию удалось компенсировать естественную убыль населения и стать важным источником дополнительных трудовых ресурсов. Гражданство

России получили около 1 миллиона человек, более половины — по программе (Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 28.08.2023).

В 2018 году в был принят указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», в котором была четко прописана цель миграционной политики: создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода (Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 28.08.2023).

В 2010-ые годы были внесены изменения в федеральные законы «О беженцах» (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/ (дата обращения: 28.08.2023)), «Государственной границе Российской Федерации» (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3140/ (дата обращения: 28.08.2023)), «О гражданстве Российской Федерации» (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/ (дата обращения: 28.08.2023), «О занятости населения в Российской Федерации» (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3140/ (дата обращения: 28.08.2023), «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/ (дата обращения: 28.08.2023).), «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 28.08.2023), «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (дата обращения: 28.08.2023). Поправки в эти законодательные акты были направлены, с одной стороны, на создание условий для адаптации мигрантов, а с другой — на ужесточения контроля за миграционными потоками в страну.

Важным темой, является проблема взаимоотношений принимающего населения и мигрантов.

Социологические исследования свидетельствуют, что практически каждый четвертый опрошен-

ный заявил об отрицательном отношении к нему (Отношение россиян к мигрантам стало хуже. URL: <https://iz.ru/1148412/2021-04-08/otnoshenie-rossiian-k-migrantam-stalo-khuzhe> (дата обращения: 28.08.2023), две трети населения страны считает, что необходимо «ограничивать приток трудовых мигрантов». Сравнение с более ранними данными показывает, что отношение к мигрантам ухудшается. С 2017 по 2022 год доля лиц, считающих, что правительство должно препятствовать потоку мигрантов, выросла с 58 до 68-73% (Ксенофобия и мигранты. URL: <https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/> (дата обращения: 28.08.2023).

Исследовательские замеры показывают, что наиболее присуща мигрантофобия жителям сел и поселков городского типа — поселений, жители которых существенно реже сталкиваются с мигрантами, чем население больших городов. Таким образом, можно предположить, что этнонациональные предрассудки основываются не на реальном опыте взаимодействия респондентов с представителями других этнических групп, а представляют собой мифологизированные проекции, конструируемые социальными акторами через СМИ, интернет-ресурсы и т.д.

Отмечается, что более негативно относятся к мигрантам мужчины, чем женщины. Также подчеркивается связь уровня образования с отношением к мигрантам. Чем он выше, тем терпимее люди к мигрантам [9, с. 187]. Наименее толерантная и наиболее склонная к ксенофобическим установкам часть общества — старшие школьники и молодежь.

Мигрантофобия имеют явную этническую коннотацию; этническая толерантность или интолерантность являются ключевым индикатором отношения к мигрантам [9, с. 193].

Наиболее негативно отношение россиян к чеченцам, дагестанцам, цыганам, выходцам из Средней Азии и Африки (Ксенофобия и мигранты. URL: <https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/> (дата обращения: 28.08.2023)). В списке возможных причин, по которым приезжие из стран СНГ вызывают недовольство местного населения, лидируют особенности «поведения» мигрантов. Для 41 % россиян самым раздражающим фактором стали наглые действия приезжих, несоблюдение обычаев принимающей страны. Причем те респонденты, которые давали подробные ответы, указывали именно на личностные характеристики (наглость, заносчивость, высокомерность, грубость, злость), а не на коллективные особенности культуры или традиций [1, с. 52]. На втором месте — представление о конкуренции с местным населением на рынке труда, демпинге оплаты труда из-за согласия мигрантов работать за более низкую зарплату. На третьем — 17 % отметили этническую преступность

как раздражающий фактор. Интересно, что данная причина является одной из самых излюбленных тем в СМИ. по данным статистики МВД, преступления, совершенные иностранными гражданами из СНГ за январь — июль 2018 года, составляют 3,3 % от числа всех расследуемых преступлений.

Глава следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин заявил об увеличении числа преступлений, совершаемых мигрантами с 11.000 в 2021 году до 15.000 в 2022 году, отметив при этом, что убийств стало на 18 % больше (Бастрыкин заявил об атакующих тылы России мигрантах. URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/05/11/bastrykin-zayavil-ob-atakuyushhikh-tyly-rossii-migrantakh.html> (дата обращения: 28.08.2023)). За первые 6 месяцев 2023 года мигранты совершили более 22.000 преступлений, что на 6,3 % больше, чем за аналогичный период 2022 года (В России выросло число преступлений среди мигрантов. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18336751> (дата обращения: 28.08.2023)). Наибольшая криминальная активность иностранных граждан зафиксирована в Курской, Тюменской, Курганской, Самарской, Тамбовской и Челябинской областях. По словам А.И. Бастрыкина, в российском обществе растет возмущение по поводу преступных действий иностранцев. Он назвал криминальную деятельность мигрантов серьезной проблемой общества и вызовом правоохранительным органам (Бастрыкин заявил о росте преступлений, совершаемых иностранцами. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/07/17/20885960.shtml?updated> (дата обращения: 28.08.2023)).

В подмосковных Котельниках местные жители для решения вопросов о незаконной деятельности мигран-

тов вынуждены были обратиться лично к президенту России Владимиру Путину («Произойдет социальный взрыв». Жители Подмосковья вновь пожаловались Путину с требованием остановить поток мигрантов. URL: <https://msk1.ru/text/gorod/2023/07/15/72499568/> (дата обращения: 28.08.2023)).

Отметим, что преступления в 2010 году выходцев с Северного Кавказа (убийство болельщика «Спартак» Егора Свиридова, ассистента режиссёра спортивного телеканала Юрия Волкова и студента Максима Сычёва) и действия правоохранительных органов (интерпретированное в обществе как покровительство подозреваемых) стало причиной беспорядков на Манежной площади в Москве.

Таким образом, мигрантофобия как производное от ксенофобии — сложное и противоречивое понятие, связанное с такими эмоциями и чувствами, как страх, неприязнь, ненависть по отношению к приезжим. Существует множество подходов к поиску причин возникновения мигрантофобских настроений, каждый из которых имеет свои веские основания и может быть использован в изучении данного деструктивного явления в России.

Социологические исследования показывают, что главными триггерами мигрантофобии в России являются особенности «поведения» мигрантов, представление о конкуренции с местным населением на рынке труда, этнокриминал. Однако, наиболее присуща мигрантофобия лицам (жителям сел и поселков городского типа, старшим школьникам и молодежи), которые имеют меньше опыта личного контакта с мигрантами. Это наблюдение подчеркивает важность рассмотрения мигрантофобии в России с позиции социального конструкционизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Л. Параметры ксенофобии, расизма и антисемитизма в современной России / Л. Гудков; К. Пипия // Вестник общественного мнения. 2018. №3–4. С.33–64.
2. Гурина О.Д. Ксенофобия и девиантное поведение у подростков и молодежи: обзор отечественных исследований // Психология и право. 2017. № 3. С. 97–109.
3. Ильясов Ф.Н. О соотношении агрессии и страха // Социальные исследования. 2017. №1. С. 62–69.
4. Кельберг А.А. Ксенофобия как социально-психологический феномен // Вестник СПбГУ. 1996. № 2. С. 46–58.
5. Кроз М.В. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии / М.В. Кроз; Н.А. Ратинова. М.: Academia, 2007. 52 с
6. Кроз М.В. Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти / М.В. Кроз; Н.А. Ратинова. // Цена ненависти. М., 2005. С. 75–92.
7. Кэмпбелл Д.Т. Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность: эволюционный аспект // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука, 1979. С. 86–89.
8. Мукомель В.И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // Мир России. 2014. № 1. С. 137–166.
9. Социальные факторы межэтнической напряженности в России / отв. ред. Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 336 с.
10. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2018. 736 с.
11. Шевченко О.М. Методология конструктивизма в социально-философском исследовании ксенофобии // Теория и практика общественного развития. 2013. №11. С. 30–34.
12. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.
13. Юнг К. Психологические типы / К. Юнг. М.: «Прогресс–Универс», 1995. 715 с.

14. Якимович А.К. «Свой-чужой» в системах культуры // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 48–60.
15. Burns P. Economic insecurity, prejudicial stereotypes, and public opinion on immigration policy / P. Burns; J. Gimpel // Political Science Quarterly. 2000. No. 115. P. 201–225.
16. Espenshade, T. Contemporary American Attitudes Toward US Immigration/T. Espenshade; K. Hempstead // International Migration Review. 1996. No. 30. P. 535–570.
17. Fog A. Warlike and Peaceful Societies: The Interaction of Genes and Culture. Cambridge: Open Book, 2017. 145 p.
18. McLaren, L. M. Anti-immigration Prejudice in Europe: Contact, Threat Perception, and Preferences for the Exclusion of Migrants // Social Forces. 2003. No. 81. P. 909–936.
19. Olzak S. The Dynamics of Ethnic Competition and Conflict. Stanford: Stanford University Press. 1992. 288 p.
20. Paxton P What's to Fear from Immigrants? Creating an Assimilationist Threat Scale. / P. Paxton; A. Mughan. // Political Psychology. 2006. Vol. 27. No. 4. P. 549–568.
21. Portes, A. Assimilation or consciousness: Perceptions of U.S. society among recent Latin American immigrants to the United States / A. Portes; R.N. Parker; J. Cobas. Social Forces. 1980. No.59. P. 200–224.
22. The Authoritarian Personality. New York: Wiley, 1964. 990 p.

© Махмутов Зуфар Александрович (zufar@inbox.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»